Третий в пятом ряду

Автор:
Анатолий Алексин

Третий в пятом ряду

Анатолий Георгиевич Алексин

Вера Матвеевна в прошлом – школьный учитель, а ныне – пенсионерка живет с внучкой Елизаветой. Девочка, рассматривая коллективные фотографии учеников бабушки, обращает внимание на запечатленного на одной из них улыбающегося мальчика…

Повесть «Третий в пятом ряду» была отмечена Государственной премией СССР в 1978 году, а в 1984 году ее экранизировал Сергей Олейник.

Анатолий Алексин

Третий в пятом ряду

1

Я часто слышала, что внуков любят еще сильнее, чем своих собственных детей. Я не верила… Но оказалось, что это так. Наверно, потому, что внуки приходят к нам в ту позднюю пору, когда мы больше всего боимся не смерти и не болезней, а одиночества.

Лиза явилась на свет в такую именно пору: мне было под шестьдесят.

Володя, мой сын, и Клава, его жена, еще раньше оповестили, что идут на столь смелый шаг лишь потому, что рядом есть я. Иначе бы они не решились. А когда Лизу привезли домой, Володя и Клава сказали, что возлагают на меня всю ответственность за ее судьбу. Тем более, что я тридцать пять лет проработала в школе.

– Ни один из нас не попадал во власть педагога в таком раннем возрасте! – сказал мне Володя.

Клава присоединилась к мнению мужа.

Когда же Лизе исполнился год, Володя и Клава уехали на раскопки: где-то обнаружился очередной древний курган. Их профессией было не будущее, а далекое прошлое – оба они занимались археологией. И поэтому тоже казалось логичным, что Лизой должна заниматься я.

Я понимала, что моя внучка обязана заговорить раньше всех своих сверстников, что она должна научиться читать раньше всех остальных детей и раньше других проявить понимание окружающего ее мира… Ибо сын намекнул, что на пенсию могла уйти я сама, но не мой педагогический опыт.

Клава присоединилась к мнению мужа.

Они были убеждены, что весь этот опыт, огромный, тридцатипятилетний, должен был обрушиться на бедную Лизу – и принести поразительные результаты.

Но мой опыт столкнулся с ее характером…

Что характер у внучки есть, я поняла сразу: она почти никогда не плакала. Даже если ей было больно и мокро. Не подавала сигналов! И от этого возникало много дополнительных трудностей.

Когда внучке исполнилось три с половиной года, я объяснила ей, что Лиза – это не полное имя, а полное звучит торжественно и парадно: Елизавета. С тех пор на имя Лиза она реагировать перестала. Не откликалась – и все. Я стала убеждать внучку, что называть ее, маленькую, длинным именем Елизавета

неестественно, что люди будут смеяться.

– И пусть, – сказала она.

Тогда я ей объяснила, что такое имя без отчества произносить просто нельзя, потому что без отчества им называли царицу. С тех пор Лиза приобрела царственную осанку. А я стала сообщать родителям, звонившим откуда-то, где были усыпальницы и курганы: «Елизавета спит… Елизавета сидит на горшке…»

Внучка одержала первую в жизни победу.

В моей комнате, над столом, висели фотографии классов, в которых я преподавала литературу и русский язык. Или была к тому же еще и классной руководительницей. На фотографиях первые ряды полулежали, вторые сидели, а третьи и четвертые обычно стояли. У лежавших, у сидевших и у стоявших выражение лиц было не детское, напряженное. Может быть, из-за присутствия учителей, которые всегда располагались в центре второго ряда.

Елизавета любила водить пальцем по фотографиям и спрашивать: «Это кто? А это кто?..»

Поскольку главное свойство склероза – помнить все, что было очень давно, и забывать то, что было недавно, я сразу называла имена и фамилии своих бывших учеников.

Только на одной фотографии рядов было пять… Рыжий парень, который на черно-белом снимке выглядел просто светловолосым, в отличие от других, улыбался. Он был третьим слева в том самом пятом ряду.

Я уже давно объяснила внучке, что это Ваня Белов, а рядом с ним стоит ее папа. Ваня поспорил в тот день, что сможет удержаться на стуле, который будет поставлен на другой стул. Так образовался дополнительный ряд, которого не было больше ни на одном снимке.

Папа Елизаветы последовал за приятелем, хотя еле удерживался на этом сооружении. Ему было особенно трудно оттого, что он с рождения прихрамывал на правую ногу. И еще чуть не падал со стула Сеня Голубкин, который всегда

мечтал стоять выше других.

А Ваня Белов улыбался. Это был мой злой гений. Я рассказывала о его проделках Елизавете, чтобы она никогда ничего подобного в жизни не совершала.

Однажды Ваня Белов на глазах у всей улицы прошел по карнизу третьего этажа и, появившись в окне нашего класса, сказал: «Разрешите войти?»

– Как такое могло случиться? – в тот же день спросил у меня директор.

– Ваня Белов… – ответила я.

В другой раз он объявил голодовку… Ему показалось, что я несправедливо поставила двойку одному из учеников. Ваня подошел на переменке ко мне и тихо сказал:

– Вы, Вера Матвеевна, не задавали нам то, о чем спрашивали.

– Но и того, что я задавала, он тоже не знал… как следует.

– Как следует? Может быть… Но ведь за это не ставят двойку.

– Она уже в классном журнале!

– Но ее можно исправить.

– Нельзя!

– Вы должны это сделать.

– Никогда…

– Простите меня, Вера Матвеевна, но я буду протестовать.

– Каким образом?

– Объявлю голодовку!

Я улыбнулась и махнула рукой.

Но в буфет он в тот день не ходил. Я проверила: не ходил. На следующий день тоже…

– Голодаешь? – спросила я его с нарочитой небрежностью.

– Голодаю, – ответил он.

– И долго еще… собираешься?

– Пока не исправите двойку… – Потом он огляделся и тихо добавил: – Вы не бойтесь: другие об этом не знают. А то придется закрыть школьный буфет!

Вечером я пошла к родителям Вани.

Беловы жили рядом со школой, через дорогу.

Самого Вани, к счастью, дома не оказалось. Его родители, милые, застенчивые люди, очень встревожились. В них не было ни Ваниной решительности, ни его озорства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/anatoliy-aleksin/tretiy-v-pyatom-ryadu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити